

Гу Яньли с грохотом захлопнул дверь и, обессиленно опустившись на пол, принялся злиться. Заметив рядом землю, он поспешил собрать рассыпанные цветы. К счастью, сломались лишь несколько веточек без бутонов, и он с облегчением выдохнул. Но стоило вспомнить, как безжалостно и холодно ушел Бай Циань, как Гу Яньли снова вспыхнул, проклиная собственную слабость: ведь он так дорожил цветами, которые тот ему подарил!

Обняв букет, Гу Яньли застыл на месте, словно брошенный хозяином щенок. Он твердил себе, что ни за что на свете не пойдет на попятную и не склонит голову перед Бай Цианем!

Однако вскоре его мысли сменились тревогой: ему показалось, что в глазах Бай Цианя стояли слезы. Кто знает, как он там теперь плачет? А если от слез ему станет хуже? Нет, нет, нельзя снова проявлять мягкотелость.

Гу Яньли покачал головой, но тут же поймал себя на мысли, что сегодняшняя ссора — по большей части его вина. Если бы Бай Циань не заботился о нем, с чего бы ему так злиться из-за выбора нового слуги? Это он сам вспылil, проявил неблагодарность и растоптал добрые намерения Бай Цианя. Вспоминая свои резкие слова, он испытывал такой стыд и раскаяние, что был готов хоть сейчас лететь в поместье Бай, лишь бы извиниться, лишь бы Бай Циань перестал плакать — пусть даже он побьет его, лишь бы выплеснул гнев.

Не прошло и десяти минут, как Гу Яньли уже пришел в себя. Он хотел было отправиться в поместье Бай, но побоялся показаться смешным: Бай Циань, должно быть, еще и до дома не дошел, а он уже бежит с повинной. А вдруг его слова были слишком обидными, и Бай Циань вовсе не захочет его видеть? В нерешительности он снова плюхнулся на пол, обхватив цветы, и притих.

Госпожа Шэнь, прослышав о случившемся, поспешила к кабинету. Увидев плотно закрытую дверь и притихших слуг, не смеющих даже дышать, она почувствовала недоброе. Узнав подробности у Тяньмо, она тяжело вздохнула и тихонько постучала:

— Яньли, открой матушке, хорошо? Если ты не хочешь, чтобы Ань-эр приходил, я поговорю с твоим отцом. Открой, дай мне на тебя посмотреть.

Госпожа Шэнь прекрасно понимала, что Бай Циань не виноват, просто она боялась, что Гу Яньли снова возьмется за старое. Но она знала своего сына лучше всех: если он упрется, его и тройка быков не сдвинет, а заставить его признать вину — задача сложнее, чем достать звезду с неба. Когда Гу Шань в свое время порол его до кровавых ран, он и тогда сквозь зубы твердил, что ему ни капельки не больно. Оставалось только лаской действовать. Она надеялась, что потом сама съездит в семью Бай, пригласит Ань-эра обратно, и стоит им встретиться — все размолвки сами собой уладятся.

Едва она закончила фразу, как дверь со скрипом отворилась. Гу Яньли с покрасневшими глазами стоял перед ней, прижимая к груди букет в разбитом горшке. Сердце матери дрогнуло, и она мягко произнесла:

— Сынок, отдай мне цветы. Садовники позаботятся о них, может, еще удастся спасти.

Гу Яньли сначала не хотел выпускать букет, но, услышав ее слова, осторожно протянул его матери.

— Только не дайте им погибнуть, — проговорил он срывающимся голосом.

После этого он не проронил ни слова, а за ужином съел лишь половину чашки рису. Госпожа Шэнь не понимала, что у него на уме, и решила оставить его в покое.

На следующий день, едва пробили часы, Гу Яньли, который так и не сомкнул глаз, вскочил с постели. Достав из-под одеяла шкатулку, он тайком, никого не позвав, бросился в кабинет. Когда служанки проснулись и обнаружили, что комната пуста, они перепугались до смерти, и лишь Тяньмо сумел их успокоить, заверив, что Третий господин наверняка в кабинете.

Тяньмо, неся поднос с едой, тихо приоткрыл дверь. Услышав шорох, Гу Яньли тут же поднял голову, но, увидев, что это не Бай Циань, снова крепче прижал к себе шкатулку и опустил взгляд.

Тяньмо подошел к нему и начал уговаривать хоть немного поесть, уверяя, что господин Бай обязательно скоро придет. Гу Яньли с покрасневшими глазами спросил:

— В подносе есть вишневое лакомство?

Увидев, что Тяньмо кивнул, он добавил:

— Он ведь уже не придет, зачем ты принес его любимое угощение?

Тяньмо молча расставил на столе вишневое лакомство, кашу семи сокровищ, блюдец пельменей с крабовой икрой и чашку теплого сладкого молока — явно на двоих. Гу Яньли взял палочки, но тут же отложил их:

— Подождем, пока он придет, и поедем вместе.

Гу Яньли ждал от рассвета до заката, но так и не дождался своего маленького друга. За весь день он съел лишь немного каши, и то только потому, что Тяньмо умолял его на коленях. Гу Яньли изнемогал от тоски, ему хотелось броситься на поиски Бай Цианя, но он боялся, что тот возгордится и наговорит чего-то вроде того, что больше никогда не придет.

Вечером его внезапно вызвали в покои госпожи Шэнь. Все были крайне напряжены, и к нему тут же подвели врача. Гу Яньли удивился: он редко болел, да и время для планового осмотра еще не пришло, почему же такая спешка? Не успел он спросить, как врач убрал руку и доложил:

— Господин здоров, тело очень крепкое, волноваться не о чем.

Госпожа Шэнь с облегчением выдохнула и велела служанкам проводить лекаря.

Она ничего не объяснила сыну, лишь отправила его отдыхать и приказала Тяньмо заменить в

кабинете всё до последней вещи. Гу Яньли был озадачен: матушка не была расточительной, зачем выбрасывать то, что прослужило всего несколько месяцев? Интуиция подсказывала, что здесь что-то не так, и он притворился, что злится, замахнувшись на Тяньмо.

Госпожа Шэнь, опасаясь вспышки его гнева, потерла виски и вздохнула:

— Я не хотела тебе говорить... Ань-эр, вернувшись вчера домой, слег с лихорадкой. Пилули Высшего Сокровища не помогли. В семье Бай переполох, а сегодняшний врач, посланный бабушкой, сказал, что это оспа. Сейчас они уже возносят молитвы Богине оспы и говорят, что болезнь протекает легко, просили не беспокоиться. Ты ведь знаешь, как вы дружны, ты наверняка захочешь его навестить, но ты ведь не болел оспой — разве можно так рисковать?

Услышав это, Гу Яньли словно поразило Пятью Громами. Он разрыдался, повторяя, что во всем виноват он сам: если бы он не рассердил Бай Цианя, тот бы не заболел. Госпожа Шэнь, и злясь, и смеясь над его словами, слегка шлепнула его:

— Разве от гнева заболевают? Если так дорожишь им, лучше перепиши для него Сутру Избавления от Оспы.

Гу Яньли не слушал, продолжая рыдать и твердить о своей вине. Видя, что матушка не собирается везти его к Бай Цианю, он с громким плачем бросился в покои Матушки Гу.

Увидев его в таком состоянии, Матушка Гу встревоженно обняла внука:

— Что случилось? Кто посмел тебя обидеть?

Гу Яньли, задыхаясь от слез, путано объяснял, пока Матушка Гу наконец не поняла, что он хочет в поместье Бай. Сначала она была против, но, увидев, что внук готов зайти в новом приступе истерики, была вынуждена согласиться. Она отправила с ним побольше слуг, наказав лишь взглянуть на Бай Цианя издали и не входить внутрь.

<http://bllate.org/book/20696/2067697>